

«Утверждаю»
Проректор по научной работе
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева»
доктор педагогических наук, профессор
Пузанкова Е.Н.
_____ 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Кравцова Андрея Николаевича
«Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций
журнала «Возрождение» (Париж, 1949-1974)», представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

«Формой времени» назвал категорию жанра В.Г.Белинский, это значит, что одни жанры в определенный период времени активны, другие же «становятся не видны» (Н.Лейдерман). Историки культуры прослеживают связь между изменениями в области политики, эстетики, морали, философии и изменением поэтической формы. «В живом единстве художественного произведения все приёмы находятся во взаимодействии, подчинены одному художественному заданию» – это заключение В.М. Жирмунского определяет и место жанра в «живом единстве» литературного процесса.

Актуальность мемуаристики в XX веке диктуется спецификой времени: крутые исторические повороты, деление русской литературы на литературу метрополии и эмиграции усилили субъективное начало, сравнивали позицию автора с позицией рассказчика.

Значимость документального начала в литературе XX века позволила автору диссертации А.Н. Кравцову объединить в одну группу документально-художественных произведений различные жанровые формы (автобиографии, мемуары, дневники, письма) и дать им общее наименование – «эго-документы», но при этом отметить, что термин, появившийся в 1950-е годы, еще «не имеет устойчивого, всеми признанного понятийного значения» (дисс., с.5).

Во «Введении» А.Н.Кравцов касается многих общих проблем, подводящих его к анализу эго-документалистики конкретного издания – ежемесячного литературно-политического журнала послевоенного времени «Возрождение». В его поле зрения попадает мемуаристика, он останавливается на характеристике основных её черт. Во «Введении» также представлен обстоятельный обзор научных работ по данной проблеме в России и за рубежом, делается вывод о степени изученности проблемы и о задачах ее дальнейшего исследования.

Тема, ставшая объектом научного исследования в диссертации А.Н.Кравцова, **актуальна**, так как наследие «русского зарубежья» еще

недостаточно изучено, и эго-документов эта неизученность касается в большей степени, чем художественной литературы, тем более что речь идет об эго-документалистике, «прикрепленной» к конкретному печатному органу.

Новизна исследования обусловлена комплексным, многосторонним подходом к изучению эго-документов, публиковавшихся на страницах журнала «Возрождение», привлечен «весь корпус» произведений подобного рода – 150 публикаций объемом 500 авторских листов. О масштабности исследуемого материала свидетельствует «Приложение» – «роспись эго-документов» по годам: с 1949 по 1974 год.

В четырех параграфах первой главы – «Эго-документы русского зарубежья» – А.Н. Кравцов обосновывает историческую, научно-практическую, философскую значимость эго-документалистики в творчестве русской эмиграции, в том числе и второй «волны». Особенностью мемуаров русских эмигрантов автор считает тот факт, что, обращаясь в прошлое, к навсегда «потерянному раю», они создавали «новые модели действительности», насыщали их лирико-автобиографическими, философскими мотивами, «через нарративную маску» улавливали прошлое и прозревали будущее России. Остро ощущаемое отсутствие Дома выводит эту тему на первый план, само понятие Дом, в связи с экзистенциальным страхом его окончательной потери, мифологизируется, сфера приватной жизни заменяется жизнью общественной, тягой к православию; творчество становится одной из «замен» утерянного Дома.

Этим объясняется многообразие воплощения «жизни русского рассеяния» в периодической печати. Диссертант приводит интересные факты, подтверждающие активность русской диаспоры: в 1926 году в Берлине вышло русских книг больше, чем немецких. Автор привлекает обширный материал по истории русской периодики, свидетельствующий о тенденциях ее развития от первой «волны» до второй и третьей. И как важная составляющая этого потока рассматривается печатный орган «Возрождение», в частности, два этапа его существования: с 1925 по 1940 год (в виде еженедельной газеты), когда авторами «Возрождения» были такие мэтры зарубежья, как П.Струве, Б.Зайцев, И.Шмелев, И.Ильин, А.Амфитеатров и др.; и с 1949 по 1974 год.

Следует отметить как несомненное достоинство **«выстроенность» материала, логику и последовательность в его изложении.** Так, после «Введения» и первой главы, в которых представлены научные подходы к проблеме, рассмотрены вопросы теоретического плана, определена терминология, дан историко-культурный контекст, в рамках которого создавались эго-документы, А.Н. Кравцов переходит к конкретному анализу периодики журнала «Возрождение».

Во второй главе «Эго-документы на страницах журнала «Возрождение» автор диссертации представляет основные принципы отбора материала для журнала. В «Возрождении» публикуются как мемуары малоизвестных в эмигрантских кругах авторов, так и уже получивших признание, вновь фиксируется внимание на широком жанровом диапазоне эго-документов, особо отмечена зыбкость жанровых границ в публикациях такого рода –

балансирование между документалистикой и беллетристикой. Но общим и обязательным для эго-документов, по убеждению диссертанта, становится ярко выраженное субъективное начало, но в то же время имеет место и выход (через самоанализ) к передаче «в той или иной степени достоверности пережитых событий» (дисс., 92).

Во втором параграфе главы, рассматривая публикации в «Возрождении» мемуаров государственных и политических деятелей, автор обращает внимание как на общие тенденции, имеющие место в воспоминаниях П.Струве, Б.Татищева, С.Мельгунова и др., как то: «вычленение главенствующих мотиваций», среди которых на первом плане – «значительность собственной фигуры и деятельности», тождество автора, повествователя и героя, – так и на специфику, которая определяется личностью автора и задачами, которые он ставит перед собой.

Так, подробно анализируя мемуары бывшего министра финансов России П.Л. Барка, Кравцов отличительной чертой данного эго-документа считает его «алитературность»: Барк предпочитает давать лишь факты и аргументы, его воспоминания можно классифицировать как форму отчета, «дневниковый нарратив» (дисс., 96), поэтому мемуары этого финансового деятеля воспринимаются как исторический документ, в отличие, например, от мемуаров других министров – С.Ю.Витте, В.Н.Коковцева, которые не лишены элементов художественности.

Ощущение безвозвратной потери, которое несли в себе эмигранты, приводило к мифологизации навсегда ушедшего прошлого, России, императора Николая II. Параграф «Мифологическое в мемуаристике: идеологизация посредством мифологизации», на наш взгляд, особенно интересен, так как в нем раскрывается очень важный – психологический – аспект эго-документалистики. Монарх, прежде рисовавшийся слабым и зависимым от личных обстоятельств, после расстрела царской семьи вводится в мир мифологем, нарочитой мистики. «Мифостроение», «сакрализация» – одно из направлений в изображении прошлого (мемуары Д. Шереметьева, А. Бабаевского), хотя имеют место и «нелестные характеристики» последнего русского царя (в мемуарах З.Гиппиус, П.Милюкова). Наиболее реалистично Николай II показан в опубликованных в «Возрождении» мемуарах И. Степанова, баронессы С. Буксгевден. Но, следует отметить, что во всех вариантах А.Кравцов подчеркивает не политизированный, а литературоведческий характер эго-документа.

В последнем параграфе главы А.Кравцов как пример «встречи документального и художественного текста» рассматривает очерк М.Боброва, в котором представлены необычные для эмигрантской прессы материалы: противостояние Красной армии и партизан на Дальнем Востоке. Обращаясь к биографии автора, автор диссертации прослеживает в эго-документе как романную, так и автобиографическую линии, особое внимание уделяя жанровой специфике этого «очерка».

Третья глава – «Автобиографическая парадигма в женской мемуаристике» – посвящена подробному анализу «ранее не исследованной, неизвестной читателю» прозы М.Н. Веги, которая, как и очерк М.Боброва, относится к произведениям «переходного – от художественного к

документальному – типа» (дисс., 136). Как и в предыдущих главах, А.Кравцов делает обзор научной литературы по гендерной проблематике, рассматривает в контексте исторического развития «женской прозы» (З. Гиппиус, А. Тыркова-Вильямс, Л. Норд...) «автобиографические романы, построенные на семейной хронике», М.Н. Веги – «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел». Предлагая посмотреть на эти тексты как на «гендерную рефлексию автора», А.Кравцов обнаруживает в них «признаки женского дискурса»: из мелочей, которые свойственно замечать женщинам, «складывается облик эпохи»; повествование строится на «синтезе заданных парадоксов: «бросание вызова» эмансипированной женщины обществу, с одной стороны, и осознание себя хранительницей домашнего очага – с другой; гендерный конфликт имеет не только социальное, но и онтологическое, и психологическое обоснование. В этом русле идут рассуждения автора о диалогии в целом.

В заключительных параграфах главы автором на примере романов Веги рассматриваются «превалирующие в эмигрантском сознании» образы и категории: образ Дома и категория детства. Облик эпохи в романе «Бронзовые часы» воссоздается через облик родного Петербурга, частью которого становится Александринский театр и тесно связанный с автором книги персонаж – актриса театра А.К. Брошель, бабушка писательницы. Оппозиция Дом/обретенное в эмиграции бездомье актуализируется приёмом контраста: свой/чужой, сон/явь, мечта/реальность, земное/трансцендентное. Сравнение с Петербургом Достоевского, Пушкина, Набокова позволяет определить своеобразие его восприятия в свете гендерной проблематики, выраженной у М.Н.Веги как «тоска по теряющему себя городу».

В последнем параграфе, посвященном категории детства, особенно ярко заявило о себе одно из основных достоинств диссертации А.Кравцова: **масштабный историко-литературный контекст**, в который включены исследуемые произведения малоизвестных авторов журнала «Возрождение». Так, толстовская идея о ценности детского неискаженного восприятия мира подтверждается примерами из русской классики: Л.Толстой, Аксаков, Гарин-Михайловский, Бунин, А.Толстой, Ремизов, Осоргин и др. Страницы романа, посвященные матери, рожают ассоциации с автобиографическими произведениями Бунина, Набокова, Цветаевой; «диалектика души ребенка», процесс формирования творческой личности в романах М.Н.Веги позволяют провести параллель с «симфониями» и романами Андрея Белого, с повестями и романами И.Шмелева.

Следует отметить **глубоко научный характер диссертации**: во «Введении» и в последующих главах и параграфах А.Н.Кравцов касается важных теоретических проблем, обращается к широкому кругу исследователей, выявляет позицию ученых в отношении того или иного литературного явления, сравнивает разные научные подходы, вступает в дискуссию с наиболее спорными, на взгляд исследователя, точками зрения, вводит в оборот новый материал, касающийся публикации «эго-документов» на страницах журнала «Возрождение» в обозначенный период. Особое научное значение имеет тот факт, что А.Кравцов обращается к эго-документам второй «волны» русского рассеяния, эпохе так называемого

«незамеченного поколения». Анализ конкретных произведений и приведенная в «Приложении» «ропись эго-документов» подтверждают новизну и обширность этого материала. Каждый из этапов исследования убедительно свидетельствует о глубоком знании автором диссертации научной литературы как относящейся к изучаемому периоду, так и современной, о свободном владении ею.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении типологии эго-документальных текстов и — одновременно — в обосновании невозможности проведения четких границ между документалистикой и беллетристикой; в уточнении гендерных различий и наиболее значимых проявлений «признаков женского дискурса».

Концептуальность исследования подтверждается тем, что, анализируя произведения конкретных авторов, А.Кравцов придерживается выдвигаемых им теоретических положений; так, рассматривая последовательно произведения П.Барка, М.Боброва и М.Веги, он показывает разные варианты соотносительности в них документального и художественного начал, определяет их жанровую специфику. И это способствует достижению цели исследования: «дифференцировать мемуарное повествование», представить его вариативность. О наличии концепции свидетельствует выход к типологии, который не раз предпринимает автор: «типология эго-документальных текстов» во второй главе, определение гендерной составляющей в творчестве автора-женщины в третьей главе и т.д.

Следует особо отметить философский пласт научного исследования А.Кравцова. Так, уже в первой главе, обращаясь к эго-документам «первой волны», автор доказывает главенство категории памяти в эго-сознании русской эмиграции, и в дальнейшем подтверждает это анализом текста («Прошлое сквозь призму чужой памяти», глава 3).

Эти и другие положения, а также общую концепцию подтверждает анализ текста, который проведен на достаточно высоком уровне. Особенно в этом плане хочется отметить третью главу, посвященную романам М.Н.Веги. Чувствуется особый интерес исследователя к произведениям данного автора. Именно в этой главе наиболее полно заявил о себе «комплексный подход», в результате которого была реализована та «методологическая база», о которой было заявлено во «Введении»: использованы биографический, историко-культурный, сравнительно-типологический, историко-литературный, источниковедческий методики исследования.

Несмотря на общую высокую оценку диссертационного исследования А.Н.Кравцова, позволим себе высказать некоторые замечания.

Уже во «Введении», сделав упор на то, что термин «эго-документ» «пока не имеет устойчивого, всеми признанного, понятийного значения» (дисс., 5), А.Кравцов не пытается уточнить это понятие, хотя такая попытка была бы вполне уместной в диссертационном исследовании. Напротив, его вполне устраивает «расширительное» значение термина, так как в рамках «эго-документа» (с учетом «зыбкости границ», о которой говорится почти в каждом параграфе диссертации) можно рассматривать весьма разнообразный материал. Если во «Введении» вслед за Ж. Прессером диссертант включает в «эго-документ» такие «исторические источники», как «автобиографии,

мемуары, личные дневники и письма» (дисс., 4), и даже добавленные в этот весьма объемный жанр В. Деккером, П. Бёрком и другими исследователями «портреты, автопортреты», то во всех этих «документально-художественных разновидностях» (дисс., 7) все же преобладает документальное начало, допускающее «лишь редкие вкрапления художественного вымысла» (цит.: Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы). Таким образом, уровень художественного начала в эго-документалистике не должен превышать пределы допустимого («допустимое» – это то, что не позволяет отнести произведение целиком к художественной прозе). В исследовании же А.Кравцова этот уровень, на наш взгляд, превышен. Так, жанр романов Веги он характеризует как «мемуарный лиризированный текст», провоцирующий эпическое содержание (дисс., 160), а «женский дискурс» видит в наличии психологического и онтологического основания гендерного конфликта, что вызывает вопрос: есть ли основание относить эти романы к эго-документам? Исходя из характеристик, которые дает романам Веги автор, их можно сопоставить (и он сопоставляет) с романами и повестями, основанными на автобиографиях, но традиционно относимыми к явлениям художественной литературы, какими являются сочинения И. Бунина, В. Набокова, И. Шмелева, А. Толстого, А. Куприна и других представителей русской эмиграции.

Некоторое непонимание возникает и в форме подачи цитатного материала: например, положение П.В.Палиевского о том, что в XX столетии «документ¹ получил самостоятельное эстетическое значение», почему-то цитируется по диссертации Е.Г.Местергази «Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в.» (Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. С. 208), формулировка Д. Е. Максимова дается по диссертации Л.И.Бронской «Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин» (с.12, 16 диссертации), знаменитая строчка Н. Берберовой из ее «Лирической поэмы» вслед за статьей «Литература в изгнании» В.Ф. Ходасевича цитируется неточно² да еще и по диссертации О.Р.Демидовой «Эстетика литературного быта русского зарубежья (на документальном материале русской эмиграции 1920 - 1960 гг.)» (с.41 диссертации соискателя). В систему таких цитирований попали и вполне доступные работы Ю.М.Лотмана, В.В.Виноградова и других ученых.

Любая исследовательская работа наталкивает на размышления, в процессе которых рождаются вопросы и замечания. Высказанные замечания предполагают возможность дальнейших размышлений над заявленной проблемой.

¹ В диссертации и автореферате слово «документ» заменено на неудачное в данном контексте слово «факт» (см. с. 3).

² В оригинале у Н. Берберовой:

Я говорю: я не в изгнании,

Я не ищу земных путей.

Я не в изгнании – я в посланьи,

Легко мне жить среди людей. (Берберова Н.Н. Лирическая поэма // Современные записки. – Париж, 1927. – № 30. – С. 230).

Обобщая сказанное, можно утверждать, что диссертация А.Н. Кравцова «Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949-1974)» является самостоятельным научным трудом, который имеет как **теоретическое** (расширяет наше представление о литературе русского зарубежья, о роли периодических изданий в популяризации малоизвестных авторов, в частности, их произведений эго-документальных жанров, о самом понятии «эго-документальный жанр»), так и **практическое** значение (может быть использована в лекциях и спецкурсах по истории русской литературы, литературы и журналистики русского зарубежья), свидетельствует о широкой эрудиции автора и его основательной филологической подготовке.

Диссертация Андрея Николаевича Кравцова «Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949-1974)» написана хорошим литературным языком. Автореферат, публикации, «Приложение» соответствуют основному содержанию работы. Грамотно – по разделам – составлена «Библиография». Диссертация соответствует критериям, указанным в параграфах 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842, а ее автор, Кравцов Андрей Николаевич, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета им. И.С.Тургенева Михеичевой Екатериной Абдул-Маджидовной, обсужден на заседании кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета им. И.С.Тургенева 19 января 2016 года (протокол №5).

Заведующий кафедрой
русской литературы XX-XXI веков и
истории зарубежной литературы,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И.С.Тургенева»,
доктор филологических наук, профессор

Е.А. Михеичева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева». Филологический факультет.

302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, учебный корпус № 3, кабинет № 418. <http://www.univ-orel.ru>, адрес электронной почты: rector@univ-orel.ru

Подпись *Михеичевой Е.А.*
Секретарь Ученого совета *Чайраева Л.А.*

Михеичева Е.А. «Дьяволиада» Л.Андреева и М.Булгакова // Орловский текст российской словесности. Коллективная монография. Орел, 2015, С. 33-40
Михеичева Е.А. «Чеховиана» И.Бунина и В.Набокова // Ученые записки Орловского государственного университета, № 6 (69), 2015, С.187 -190
Михеичева Е.А. Леонид Андреев и Саша Черный. К проблеме творческих связей // Ученые записки Орловского государственного университета, № 5 (55), 2013, С.129-134
Михеичева Е.А. Образ тумана в ранней прозе И.Бунина и Л.Андреева // Творческое наследие И.А.Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. Сборник научных трудов. Елец, 2015, С.74-81 (в соавторстве с С.В.Зеленцовой) _РИНЦ_
Михеичева Е.А. Пространственная организация рассказа «Чаша жизни» // Austrian Journal of Humanities and Social Scienses. Austria, Vienna. №1, 2014, -С.72-77 (в соавторстве с Зеленцовой). РИНЦ
Михеичева Е.А. Падение «вестника» в драмах Л.Андреева и А.Блока (в печати, в сб. ИМЛИ РАН)
Михеичева Е.А. Л.Андреев – Д.Андреев: оппозиция и диалог эсхатологического и утопического сознаний. (в печати, в сб. ИМЛИ РАН, по материалам Международной научной конференции)..

Михеичева Е.А. Образ России в творчестве писателей первой «волны» русской эмиграции. - Брянск, 2011. 11 п.л. (монография)